

Фёдор-царевич, Иван-царевич и их оклеветанная мать

Жил-был царь на ровном месте, как на скатерти. У этого царя было семейство, слуги, люди робочие, а он сам был холост, не жёнат. Надел на себя царь цветно платье и пошёл себе богосужону невесту выбирать. Прошёл по городу, вышел на чистое полё, стоит в чистом поле дом; приходит к этому дому, заходит, сидят в доме три девичи. Богу помолился и поздоровался: «Здраствуйте, красные девичи». — «Здравствуешь царь, вольной человек». — Подходит к одной девиче. — «Девича, ты што умеешь роботать?» — «А я умею шёлком шить». — Другой девиче подошёл: «Што ты умеешь роботать?» — «Я умею состряпать-испекчи и сварить». У третьей, подошёл, спросил: «Што ты умешь роботать?» — «А я ничего не умею роботать, только знаю, хто меня возьмёт замуж, перво брюхо рожу, — двух сынов, один сын будет полокот руки в золоти, поколен ноги в серебри, в тыли месеч, по косичам часты звезды, во лбу сончё; другой — полокот руки в золоти, поколен ноги в серебри». Говорит царь вольной человек: «Девича, желашь ле за меня замуж вытти?» Говорит девича: «За кого же вытти, как царь возьмет». — «Ну, девича, готовся, приеду за тобой, буду венчатся». Роспростился и пошёл домой. Приходит домой, коней запрегали, всё направили и поехали за девичой. Тогда прикатились к девиче, оделась девича, посадили в корету и повезли к венчу. Тогда обвенчали, пировали-панкетовали и жили несколько времени. Эта чарича стала беременна. Царя спросили в ино восударсво на совет. Этот царь оставляет приказ: «Кого моя жена родит, чтобы мне-ка с ответом были».

И скоро скажется, долго деится. — Царь отправилса, жёна у его родила двух сынов: полокот руки в золоте, поколен ноги в серебри, в тыли месеч, по косичам часты звезды, во лбу солнчё, другова полокоть руки в золоти, поколен ноги в серебри. Тогда написали письмо и отправили к царю слугу, приказали слуги: «Ты в этот дом не заходи, из которого она была взята». Слуга шёл, шёл и прошёл этот мимо дом. И сделалась буря-погода, как темная ночь стала, и заходит в этот дом, из которого была царица взята. Заходит, Богу помолился, с девичами поздоровалса. «Здраствуйте, красные девичи». — «Приходи, милости просим, слуга царской, куда ты идёшь, куда ты правишься?» — «Я иду из своего царева, пошёл царю, царица родила у нас двух сынов, дак пошёл царю с ответом». — «Не угодно ле, восподин

слуга, тебе с переходу-с пути в баенке попарится?» — «А пожалуй, кабы попарили, дак я бы попарился». Сейчас баенку стали топить. Тогда истопили баенку, пошёл парится, свою сумочку повесил на спичку. Эти девичи у него из сумы выняли царское письмо, которое было царю послано, написали и положили свое: «Чарича без царя принесла — родила суку, да пса». Слуга из бани вышел, наделса и пошёл. Царь письмо получил, прочитал и головой покачал, и спросил: «Где ты был ле дорогой?» — «Я был в том доме, из которого чарича взята». Это письмо царь у себя оставил и свое написал: «Кого бы жёна не родила, без меня некуда не девать». Положил письмо в сумку и сказал: «Больше ты в тот дом не заходи, иди мимо во свое царство». Тогда слуга с царём распростилса и отправилса. Идёт, шёл, шёл, идёт мимо того дому, из которого царица взята и проходит этот дом. И опеть сделалась буря-погода, накатила, аки тёмная (так!). Ходил, ходил слуга, блудил, блудил, не мог пути натти, назад к тому дому пришел и думает в уми: «Мне-ка царь в этот дом не велел заходить». Пошёл, ходил и опять к дому пришёл. Опять заходит, Богу помолился, с девичами поздоровалса: «Здравствуйте, девичи красные». — «Приходи, садитесь, отдыхайте вы, с пути, с дороги». Поставили слуги попить, поись, покушати, стал слуга наряжаться идти. «Господин слуга, попарся в бани, с переходу великого и с тягости, будет тебе легче идти». На то слуга согласилса, истопили баню, изготовили, пошёл парится, суму опять на спичку повесил. Эти опять девичи из сумы вынесли чарьское письмо, а свое написали: «Кого моя жена родила, к моему штобы приходу все были убраны, управлены». Выпарилса слуга, наделса и отправилса во свое царсво. Приходит слуга во свое царсво, письмо отдаёт. Чарича письмо прочитала и слезно проплакала. И спрашивает: «Где ты был по дороги?» — «А был я в том доме, из которого ты взета». Говорит чарича: «Это всё от их состоялось». Собирали попов и крестили этих бладеньчей, одному имя нарекли Иван-царевич, а другому Фёдор-царевич. И стали думу думать: «Куды жо эту чаричу с бладеньчами девать?» и придумали: сделать бочку большую, положить чаричу с сыном, с Фёдором в эту бочку, спустить в синёе море; а Ивана-чаревича за тридевять морей, за тридевять земель, в тридевятоё чарьсво и в ино государсьво, страшному чарю, пламенному копыю, к огненному тылу отдали подарками.

После того царь явилса, водворилса во свое восударсво и спрашивает: «Де моя жёна и де мои дети?» Отвещают ему: «Твоя жёна спущена в синё морё в бочки с сыном Фёдором, а сын твой Иван царю отдан за тридевять морей, за тридевять земель, в тридевятое чарство и в ино государство, страшному чарю, пламенному копыю, к огненному тылу и отдали подарками». —

«Почему так делали это дело?» Подносят ему это письмо, которое слуга поднёс: «Вот, по вашему приказанью». И спрашивает царь у слуги: «Ты шёл от меня, куды заходил?» Отвечает слуга: «Я заходил в тот дом, из которого чарица взята». — «Зачем ты в тот дом заходил, когда я тебе не приказывал?» — «Я не мог пути натти». Взял царь слугу сказнил. «Тебе когда которо не велено, не должен роботать». Этот царь несколько времени жил холост, не жёнат и задумал опять женится, и тогда взял эту девичу из того же дому, котора умела шёлком шить, и живёт царь с новой женой.

А эту царичу с сыном с Фёдором носило по морю несколько времени, качало, да валяло, и говорит сын Фёдор: «Маминька, я слышу нас больше на валу не качат». И выбросило их в этой бочке на Буян-остров. И говорит Фёдор-царевич: «Я, маминька, ростенусь, розорву бочку, я слышу мы теперь на земли». — «О, сын Фёдор, как мы на воды? Розорвёшь бочку — потонем веть?» — «Нет, маминька, слышу на земли». Ростенулса, бочка разорвалася, разлетела — а действительно на земли. Стали они на этом острове жить. А на этом острове лисич, да кунич довольнё очень. Фёдор-царевич сделал лучёк, да стрелку, настролял лисич, да кунич этой стрелкой, сделал из лисич, да кунич шатёр себе. И видит Фёдор-царевич: бежат из-за моря купчи с товарами. Говорит своей маминьке: «Маминька, маминька, вон купчи бежат, я буду им махать, да кричать, штобы они взяли меня посмотреть Русию». — «Вот, чадо мило, купчи пойдут, понесут подарки, а ты с чем пойдёшь?» — «Ничего, я и так посмотрю и обратно с имá буду». Была у чаричи вышита ширинка. «На, дитятко, отнеси царю в подарки». Побежал Фёдор-царевич край синего моря, стал платочком махать и кричать: «Господа карабельщики! Приворачивайте суда». Карабельщики приворотили, пристали, вышли на берег. Приходят к шатру и дивуютця: «Ах какой шатёр прекрасной! мы этуды много раз бывали, а экого чудо не видали». Постоели, посмотрели на ихну житель, походят на караб и побегают за синёе морё. Благословилса Фёдор-царевич у своей матери за синёе морё бежать и пошёл на караб. Заходят они на караб, сходни поклали, якори побросали, тонки парусы подымали и побегали за синёе морё. Дал им Бог тишины пособной.

Прибежали в то самое царство, из которого Фёдор-царевич спущеной. Брали купцы подарки, пошли к царю. Фёдор-царевич с нима пошёл сзади; приходят купчи к чарю, челом бьют и низко кланеютче и здороваютча; дарят купчи чарю подарки всякие, подходит Фёдор-царевич, челом бьет и низко кланетса: «Здравствуёшь, царь вольной человек!» — «Здравствуй, доброй молодец!» Вынимал Фёдор-царевич из зепи ширинку, дарил царю.

Царь смотрит сколько на ширинку, а вдвое-втрое гледит на молотца. «Экая ширинка чудесна, молодец прекрасной!» Говорят купчи: «Царь вольной человек, прежде мы бегали мимо этот остров, мимо Буян, не видали ничего. Живёт этот молодец с женщиной, и у него из лисич, из кунич шатёр сделанной, и то чудо, то диво». Чарича и говорит: «Это какó чудо, како диво: среди моря есь остров, на острове есь сósна, на этой сósне ходит белка, — на вершиночку идёт, — песенки поёт, на комелёк идёт — сказки сказывают и старины поёт. У этой белки на хвосту байна, под хвостом морё, в байне вымоишся, в мори выкупаишся; то утеха, то забáва». Фёдор-царевич стоит выслушивает, на ум берёт. Тогда этим купчам царь дал распоряженье: торговать безданно и беспошлинно в городе.

Скоро скажится, долго деится. Продали товары, побегать стали за синёе морё. Дал им Бог тíшины пособныя. Прибежали к Буяну-острову, выпускают Фёдора-царевича к маминьки ко своей... (Фёдор-царевич рассказывает всё, что видел матери)... «Я как, маминька, ей раз буду доставать, эту белочку.» — «Куда же, дитятко, ты будешь ей доставать, положишь меня бенну одну жить здесь». — «Однако же дай благословенье, я отведаю ее достать». — «Ну Божье да моё благословенье, дитетко, доставай». Сделал себе шлюпку, отправился за синёе морё, переехал синёе море, переехал к острову, шлюпку поставил на берег и пошёл искать сósну. И нашёл сósну: стоит сósенка, на сósенке ходит белочка, и у этой сósны проведены струны. Тогда Фёдор-царевич захватил сósну в охапку, выдернул со коренём, сорвал все струны и тащи ко своей шлюпке, и отправился за синёе морё. Выносит на Буян-остров сосенку, выносит к своему шатру и поставил сосенку подле шатра: стала сосенка стоётъ, и стала на сосенке белоцька ходить. Вот утеха, вот забава им.

Скоро сказываются, долго деится, бегут опеть корабельщики... (то же, что и прежде, в первом случае, происходит). ...Сколько здрят на шатёр, вдвое-втрое на белку. Прежде на Буяне этого не видали. И простояли, просмотрели они тут челье сутки. Опеть стали побегать, а Фёдор-царевич у матушки благословенье просит побегать за синёе морё. Дават матушка родима вести в подарок ширинку. Заходят на караб, побежали; прибежали, парусы сымают, идут к царю, челом бьют, низко кланяются, подарки дарят; челом бьёт, низко кланяется и Фёдор-царевич, дарит царю ширинку. Смотрит царь и дивуится: «Ох кака ширинка». — «А вот царь вольной человек, прежде мы бегали мимо этот остров Буян, не видывали ничего. Живёт этот молодец с женщиной, и у него из лисич, из кунич шатёр сделанной; есть сосенка, на этой сосенке ходит белка, на вершиночку идёт

— песенки поёт, на комелёк идёт — сказки сказывают и старины поёт». Ходит чарича по полу и говорит: «Это кака утеха, это кака забава? есь утеха-забава: есь за тридевять земель, за тридевять морей, у страшного царя, у пламенного копья, огненного тыла, есь у него слуга — по колен ноги в серебри, полокот руки в золоти, в тылу месеч, по косичам часты звезды. Вот то утеха, то забава». Фёдор-царевич выслушивает ихны разговоры. Тогда купчам царь дал дозвол торговать безданно, беспошлинно в городу. И назад стали побегать. Прибежали к Буяну-острову, вьшускают Фёдора-царевича к маминьки ко своей. (Фёдор-царевич рассказывает царице, что слышал у царя.) Говорит на то матушка родима: «То бы, дитетко, твой брат, да где жо его возьмёшь?» — «А когда мой брат, дай мне благословенье, я поеду его добывать». — «Где же тебе брата добыть? От страшного царя нехто не пришёл, не приехал суды». — «Однако же я поеду». — «Божьё, да моё, дитетко, благословенье, поезжай». Роспротилса, пошёл по Буяну-острову пешком.

Скоро скажется, долго деится. Близко ле, далёко ле, низко ле, высоко ле, дошёл — два молодца дерутця. Кричит им: «Ей, молодцы, над чем деритесь, перестать надо». Молодцы перестали, отвечают: «Делили мы девичу, да ковёр-самолёт». — «Давай, ужо постойте, я вас разделю». Взял Фёдор-царевич сделал лучёк, да стрелку. «Я эту стрелку стрелю, вы бежите, которой переди прибежит, стрелку хватит, тому девича». Выстрелил стрелку, полетела стрелка выше лесу тёмнаго; заворотили головы, полетели за стрелкой сзади. Тогда Фёдор-царевич развернул этот ковёр, садилса на ковёр, взял девичу и полетел. Ковёр перелетел за синёе морё, недалеко от страшного царя царевич опустилса на чистое полё, ко ракитову кусту. Завернул ковёр, посадил девичу: «Сиди, девича, пока я не обвернусь». Сам пошёл в то царство, к страшному царю. Приходит к этому городу, позагороду живёт бабушка-задворенка в маленькой избушечке. Зашёл, Богу помолился. «Здравствуй, богоданная матушка!» — «Здраствуй, дитетко, Фёдор- царевич, куды ты направился? Каки тебя ветры суды забросили?» — «Есь здесь у страшного царя, у пламенного тыла, бутто де мой брат, Иван-царевич». — «Есь, дитетко, Иван-царевич, сейчас прибежит ко мне кашку хлебать». — «Я хочу его от страшного царя отобрать, с собой увезти». — «Где же тебе, дитяtko, увезти, нехто отсуда назад не выезживат». Тогда говорит Фёдор-царевич: «Бабушка, богоданная матушка, помоги мне отсель брата увести, я тебе сделаю колыбелю, буду тебе в колыбелю колыбыть и паче отча и матери почитать». Говорит бабушка: «Как же ты суды прибыл?» — «Я прибыл, бабушка, у меня есь ковёр-самолет». Говорит бабушка: «Давай, дитяtko, отведам, да только от страшного царя

едва ли нам утти и уехать». Немного время прошло, забежал к бабушке Иван-царевич кашку хлебать. От этого зей зеет и лучи мечут, у бабушки стало светло и хорошо, как в царстве. Говорит Фёдор-царевич: «Здравствуй, брателко, Иван-царевич!» Говорит Иван-царевич: «Здравствуй, Фёдор-царевич!» Говорит бабушка-задворенка: «Нарежайтесь поскорее, отведайте».

Стали скоро нарежаться, скорее того сподоблетися. Берёт бабушка с собой щётку, кремешок и плащечку-огнивчо. Тогда и побегали скоро во чисто полё, ко ковру. Прибегают, Фёдор-царевич развертывает ковёр, садитчя на ковёр, садитчя Иван-царевич, садитчя бабушка-задворенка и садитчя девича. Фёдор-царевич ковру приговариват: «Подымайся, ковёр, повыше лесу темнаго и лети, ковер, куды я велю». Сидит бабушка-старушка назади ковра, припадыват ухом правым. «О, детушки, близко погона, гонитца страшной царь, обожгёт, опалит нас всех». Бросила на землю щетку: «Быть лес темной, от востоку и до западу, штобы страшному царю не протти, не проехать». Сделалса лес темной. Царь страшной нагонил и стал бить и стал ломать лес темной, секчи и рубить, попадал и пробилса этот лес, и опять настигат близко. Опять бабушка припала: «О, детки, близко страшной царь, обожгёт, опалит нас всех». Бросат кремешок: «Быть стена каменна, от востока и до запада, штобы страшному царю не протти, не проехать». Востала стена каменна от востока и до запада. И страшной царь нагонил, начал ей ломать, разбивать. Ломал да, разбивал да, ломал да, разбивал да, пробилса со всем войским своим. Опеть гонитса за имá в сугон; припадат бабушка третей раз ухом правым. «О, детушки, близко страшной царь, обожгёт, опалит нас всех». Бросат плащечку на землю: «Протеки, река огненна, от востока и до западу, и до синяго моря, штобы всё войско царя страшного обожгало и попалило». Протекла река огненна. Нагонил страшной царь, — котора сила в реку броситца, та и сгорит, котора броситца, та и сгорит. Тогда страшной царь реки устрашилса и назад воротилса. (Старушки уж напрутця на чо, дак как не сделают тихонько.) Тогда Фёдор-царевич летел, летел до своей матушки родимой и опустилса на землю на ковре. Встречает их маминька с чесью и с радостью, и весьма весела стала. Живут они в радостях и весельи, и царича почитат эту бабушку паче своей матери родимой. И видит Фёдор-царевич опеть бежат из-за моря карабли. Говорит Фёдор-царевич... (Повторяется то же самое: купцы едут к царю-отцу и рассказывают ему о Иване-царевиче)... А этой царице больше делать нечего, этот царь думает: «Давай я нарежу караб, побегу, посмотрю, што таки за люди». Купцы поторговали и уехали, и Фёдор-царевич с ними. Царь вольной человек снарядил караб и побежал за

синёе морё. Купцы выпустили Фёдора-царевича. «Что видал, что слышал?» Говорит Фёдор-царевич: «Я пришёл, маминька... (Следует рассказ, что было)... Он прибудёт маминька скоро суды». — «Ну, ладно, деточки, прибудёт дак и подождём». И видят: из-за моря бежит караб, прибегает ко Буяну-острову и становится в ихну гáлань; парусы снесли, якоря побросали, сходенки поклали. Выходит царь вольной человек и подходит к этому ко шатру. Пришёл ко шатру, челом бьёт и низко кланяется. «Здравствуйте, добры люди!» Все ему отвечают и кланеются: «Здраствуйте, царь вольной человек». И сколько царь здрит на шатёр, вдвое на белку, а втрое на Ивана-царевича и дивуется: «Откуль, вы люди, откуль взелись, как здесь поместились?» Отвечает ему чарица: «Я была чарска жена, да спущена была в бочке в синёе морё, меня сюды выбросило, а этой мой же сын Иван-царевич, он был у страшного царя, пламенному копья, у огненного тыла подарками подарен». Тогда царь говорит: «Ты действительнё, моя жена так-ту дак, а эти мои дети! Давай, собирайся, повезу вас во свое цареве». Собирались, сподоблялись, зашли на кораб, дал Бог тишины, побежали за синёе морё. Тогда прибегают, парусы сняли, пошли домой к царю. Этот царь людей собрал и новую жену посадил на ворота да расстрелял, а девичу Фёдор-царевич за себя замуж взял.

(Рассказано Чупровым Алексеем Васильевичем)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.